

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Научная статья
УДК 81'42
DOI 10.18101/2686-7095-2025-2-3-9

«ПРОСТОТА СЛОЖНОСТИ И СЛОЖНОСТЬ ПРОСТОТЫ»: О ПЕРЕВОДЕ ФИЛОСОФСКОГО ЭССЕ

© Богомолова Александра Владимировна
старший преподаватель,
Иркутский государственный университет
Россия, 664025, г. Иркутск, ул. Ленина, 8
bogomolova_av96@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности перевода художественно-философского дискурса на примере анализа собственного перевода фрагментов произведения Жана д'Ормессона «Presque rien sur presque tout». Установлено, что особую сложность вызывает передача индивидуальной картины мира автора, проявляющаяся в стремлении последнего рассказать просто о сложном. Постулируется, что свободная форма изложения в философском эссе способствует яркому проявлению Я-дискурса, что вызывает проблемы при переводе. Исследование рассматривает сложности передачи авторской игры слов, основанной на использовании грамматического омонима *tout* и многозначного слова *fin*, меняющего значение в зависимости от рода и особых случаев употребления обыденной лексики, в частности, доказываемая важность дифференциации глаголов *être* и *exister* при переводе на русский язык. Используется метод собственно перевода, метод сопоставительного и контекстуального анализа.

Ключевые слова: художественно-философский дискурс, философское эссе, Я-дискурс, индивидуально-авторская картина мира, методы перевода.

Благодарности. Исследование проведено при финансовой поддержке гранта Иркутского государственного университета для молодых ученых № 091-24-325 «Жанровая реализация Я-дискурса как отражение характеристик языковой личности».

Для цитирования

Богомолова А. В. «Простота сложности и сложность простоты»: о переводе философского эссе // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2025. Вып. 2. С. 3–9.

Введение

В силу особенностей, связанных с формированием индивидуальной картины мира [1, 10], использования разнообразных художественных средств [11] и генерации текста с помощью искусственного интеллекта, что проявляется в высокой степени отчуждения текста «от творческой воли человека» [9, с. 4], а также интерпретации имплицитной информации [2] перевод художественного дискурса вызы-

вает трудности разного характера. Перевод художественно-философского дискурса осложняется языком философии, объединяющего в себе понятийный аппарат и элементы обыденной и художественной речи [7]. Такая специфика объясняется тем, что «философия — это всегда осмысление проблем, для которых у нас нет готовых слов; поэтому это всегда слово, которое находится *на пути*, а не в окончании пути» (*выделение наше. — А. Б.*) [6, с. 7–8]. Поскольку слово находится лишь «на пути», перед переводчиком стоит сложная задача верной интерпретации авторского замысла и адекватной передачи на язык перевода, из чего следует цель настоящей статьи — выявить проблемы перевода художественно-философского дискурса, в частности, философского эссе, и определить пути решения данных проблем. В задачи исследования входит: определение жанровой принадлежности исследуемого произведения и степени проявления Я-дискурса автора, оказывающего влияние на выбор переводческой стратегии, выявление переводческих трудностей и приемов, используемых для достижения адекватного перевода. В качестве гипотезы принимается положение о том, что в философском эссе всегда прослеживается Я-дискурс автора, накладывающий свой отпечаток на манеру и стиль изложения, что, в свою очередь, обуславливает наличие переводческих проблем.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования служит произведение «*Presque rien sur presque tout*» (*Почти ничего почти обо всем*), не подвергавшееся ранее переводу на русский язык. Автор Жан д'Ормессон — известный французский писатель, член Французской академии и лауреат нескольких литературных премий. В данном произведении представлена краткая история *Всего*: всего, что было до появления людей, всего, что создали люди, и всего, что останется после людей. Автор размышляет о базовых концепциях и описывает три главных явления мира — Бытие, Человек, Всё — заканчивая каждый раздел монологом от лица этих трех явлений. Д'Ормессон не стремится называть себя великим философом, он рассуждает обо *Всем*, опираясь лишь на свой жизненный опыт, что не раз подчеркивается в тексте. В рамках данного исследования используются метод собственно перевода, метод сопоставительного и контекстуального анализа.

Результаты исследования

Данное произведение рассматривается как философское эссе, несмотря на то, что автор определяет его как роман. Ввиду того, что эссе предполагает свободную форму изложения, автор освобожден от ограничений и требований, а значит, может в свободной форме передать свое видение мира. В философском эссе отмечается сильная авторская позиция, поскольку, прежде всего, эссе направлено на постижение и раскрытие личности автора и «предполагает новое субъективно окрашенное слово о чем-либо» [8, с. 72]. Философское эссе есть размышление, «поиск философом и мыслью друг друга», при этом, по мнению О. П. Зубец, эта мысль нуждается лишь в авторе — «достаточен лишь **Я** один как мыслящий ее» (*выделение наше. — А. Б.*) [4, с. 19], что в очередной раз подтверждает сильный Я-дискурс мыслителя.

В исследуемом произведении автор буквально с первых строк обозначает свое присутствие в тексте и отчетливо указывает на важность присутствия автора в книге, хотя его собственный голос лишь изредка «слышен» в произведении:

(1) *Je n'écris pas pour les pierres, pour les anges, pour les ruisseaux, pour les lézards. Je n'écris que pour les hommes.* (р. 9) — Я пишу не для камней, не для ангелов, не для ручейков и ящериц. Я пишу лишь для людей.

(2) *Un bon livre est celui où l'auteur est présent tout entier.* (р. 234) — Хорошая книга — это та книга, где присутствие автора чувствуется в каждой строчке.

Я-дискурс автора проявляется не только на уровне формальных признаков, но и в добавлении различных ироничных комментариев, и в образном представлении различных философских аспектов:

(3) *Le tout est plus plein de trous que le gruyère — qui n'en comporte d'ailleurs pas quand il est de Gruyères. La pensée s'acharne à combler comme elle peut ces trous qui la plongent dans la stupeur. C'est une tâche infinie. De temps en temps, elle se décourage, elle reprend souffle, elle regarde le chantier, elle s'appuie sur sa pelle et elle compte les trous : elle doute.* (р. 154) 'Во всем еще больше дыр, чем в сыре грюйер, в котором, впрочем, нет ни одной, если его произвели в округе Грюйер. Мысль изо всех сил пытается залатать эти дыры, приводящие ее в отчаяние. Этому нет ни конца, ни края. Время от времени мысль набирается сил, делает глубокий вдох, оценивает план работы и, опираясь на лопату, считает дыры: она сомневается'.

В своем произведении Жан д'Ормессон, размышляя обо *Всем*, не предается сложным и запутанным философским умозаключениям, не всегда понятным с первого прочтения. Напротив, он придерживается тактики «рассказать просто о сложном», что проявляется в выборе лексики и синтаксической организации художественно-философского дискурса и вызывает определенную трудность при переводе.

Среди сложностей перевода философских текстов отмечают проблему непереводимости определенных терминов, в частности, авторских неологизмов [5], также наблюдается проблема неверной трактовки философских терминов и концепций, что снижает качество перевода [2; 12]. В анализируемом нами произведении трудности возникают, когда переводчик сталкивается с обыденной лексикой, о значении которой часто не задумываются. К такой категории относится глагол *être*, выступающий в большинстве случаев вспомогательным глаголом. На русский язык данный глагол либо не переводится совсем, либо передается с помощью глаголов «быть», «существовать», «есть» и пр., однако данные эквиваленты не всегда адекватны при переводе.

Рассуждая обо *Всем*, автор представляет, как бы выглядел монолог *Всего*, если бы *Все* могло рассуждать. В данной главе отчетливо прослеживается разница употребления двух глаголов *être* и *exister*, что наводит на мысль о скрытых смыслах, заложенных в этих глаголах. По замыслу *Все* старается понять, почему оно существует — *on ne sait pas pourquoi j'existe*, проводя аналогии с Человеком и Бытием:

(4) *Les hommes existent. Personne n'en doute.* (р. 335) 'Люди **существуют**. Никто в этом не сомневается'.

(5) *L'être, c'est plus difficile. Il n'est pas permis de dire qu'il existe comme existe une pierre, un papillon, une couleur — ou un homme. L'être est.* (р. 336) 'С бытием все сложнее. Нельзя сказать, что **оно существует**, как существует камень, бабочка, цвет или же человек. Бытие **есть**'.

В данном случае в переводе отмечается использование разных глаголов — «есть» и «существовать», смысловую нагрузку которых каждый читатель сможет

определить сам. В целом можно использовать данные соответствия как переводческие универсалии, однако это удастся не всегда, что доказывают нижеприведенные примеры.

Продолжая вести монолог *Всего*, автор пытается понять, что же входит в это *Все*, и предлагает внушительный перечень составляющих, но доходит до философского понятия *le néant* — Ничто и утверждает, что *Ничто* не входит во *Все*, предлагая следующее объяснение: *parce que le néant n'est pas* (p. 338). Не вчитываясь в контекст, можно перевести как «*потому что ничто не существует*», однако в тексте отчетливо наблюдается противопоставление двух ранее упомянутых глаголов, что подтверждается в следующем абзаце:

(6) *Je [le tout] ne suis ni l'être ni le néant. Je suis le tout. J'existe.* (p. 338) — Я [все] — ни бытие и ни ничто. Я — все. Я **существую**.

Также подтверждение данной мысли присутствует в разделе «Монолог бытия»:

(7) *Je suis l'être. Je suis. Je suis celui qui est. Le tout n'est pas. Il existe.* (p. 97) — Я есть бытие. Я **есть**. Я **есть** то, что **есть**. Всего **нет**. Все **существует**.

Приведенные примеры показывают важность дифференцирования двух глаголов в переводе на русский язык. К тому же всем известное философское утверждение Р. Декарта «*я мыслю, следовательно, я существую*», которое в оригинале звучит как *je pense donc je suis*, также может натолкнуть на использование глагола «существовать» в переводе, хотя многие исследователи считают данный перевод неверным.

В случае с фразой *parce que le néant n'est pas* можно также оттолкнуться от известного изречения древнегреческого философа Парменида: «бытие ведь Есть, а ничто не есть», или же использовать форму настоящего времени глагола «быть» — *есмь*, которая употребляется только в философской литературе, а в разговорной речи носит иронический характер — *ничто не есмь*.

Но в дальнейшем изложении встречается еще один фрагмент, где сталкиваются антиномии *être* и *exister*:

(8) *...tantôt il est sûr que j'existe, et il m'adore sous les traits d'une idole creusée dans un tronc d'arbre ou d'un veau d'or sur un socle, tantôt il est sûr que je ne suis pas, que l'être ne peut pas être et que l'être n'est pas.* (p. 101) ‘...порой оно [Всѐ] уверено, что я существую, оно меня почитает под видом идола, вырубленного в стволе древа, или же под видом золотого тельца’ ... (Возможные варианты перевода: а) порой оно уверено, что я не есть, что бытие не может быть и что бытие не есть; б) порой оно уверено, что я не есмь, что бытие не может быть и что бытие не есмь; в) порой оно уверено, что меня нет, что бытие не может быть и что бытия нет).

В данном случае из множества возможных переводов (а, б, в) мы останавливаемся на последнем, который представляется нам более благозвучным. Что касается фразы *parce que le néant n'est pas*, то мы предлагаем следующий вариант — *потому что ничего нет*.

Следующая проблема возникает из-за того, что автор «играет» со словами, в частности с главным «персонажем» данного произведения — *le Tout*. Определим, какие функции может выполнять слово «*tout*» во французском языке: имя существительное, неопределенное прилагательное, наречие, неопределенное местоимение, часть отрицательного наречия и междометия. В тексте данного произведения встречаются практически все случаи употребления.

(9) *Il y a du mal dans le tout parce qu'il faut de tout pour faire un tout, que le tout est un tout et qu'il ne se confond pas avec l'être où il n'y a pas mal du tout.* (р. 103) 'Во всем присутствует зло, потому что для создания всего нужно всякое, потому что все это и есть всякое, потому что все не перекликается с бытием, где совсем нет зла'.

Позволим себе высказать предположение, что, читая данный фрагмент на французском языке, читатель невольно начинает путаться во всех *tout*, ему приходится несколько раз перечитывать фрагменты, чтобы разобраться, что есть что, и, вероятно, именно этого коммуникативного эффекта и добивался автор. В переводе не всегда удастся сохранить эту специфическую игру слов, однако в первом случае мы используем определительное местоимение «всякий», чтобы сохранить по крайней мере созвучие. К тому же в данном примере обыгрывается известная французская пословица «*il faut de tout pour faire un monde*», обозначающая, что для создания мира важна каждая составляющая, поэтому в данном случае отлично подходит вариант «всякий», несмотря на наличие некоторых семантических отличий от слова «все».

(10) *Et les hommes, c'est le fin du fin et c'est la fin des fins.* (р. 338) — И люди — это одновременно лучшее и худшее, что могло случиться с миром.

В примере (10) автор «играет» с созвучием выражений, которые имеют разные значения — *le fin du fin* и *la fin des fins*. Первое обозначает «лучший из лучших», а второе «конец конца». В очередной раз читатель выявит эту игру слов, невольно улыбнется и продолжит чтение, удивляясь возможностям французского языка, о чем автор также не раз упоминает в своем произведении. При переводе данную игру слов сохранить не удалось.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что свободная форма изложения, диктуемая канонами философского эссе, в сочетании с ярким проявлением в тексте индивидуально-авторской картины мира непреложно влияет на принимаемые переводчиком решения, ввиду того, что перед переводчиком стоит задача верной интерпретации Я-дискурса автора и адекватной передачи его особенностей на переводящий язык. В процессе перевода переводчик сталкивается с различными трудностями, в частности, с передачей авторской игры слов и обыденной лексики, за которой скрываются глубокие смыслы. Рассмотренные примеры доказывают, что каким бы простым ни выглядел исходный текст на первый взгляд, переводчику необходимо приложить значительные усилия, чтобы передать такую же простоту и легкость в переводе, поскольку красота нередко кроется в деталях.

Литература

1. Богомолова А. В., Горшкова В. Е. Дискурсивная личность автора памфлета в переводческом аспекте // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2022. Т. 15, № 4. С. 108–128. Текст: непосредственный.
2. Галиева А. М., Ибрагимова З. З. Перевод и проблема отечественного философского языка // Ученые записки Казанского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2010. № 1. С. 50–57. Текст: непосредственный.
3. Гусева Е. Н. Реализация поэтического дискурса в рекреативной фазе перевода (на примере перевода стихотворения Сергея Гонцова «В красном тереме» на английский язык) //

Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. № 2. С. 412–418. Текст: непосредственный.

4. Зубец О. П. О философском эссе и этой книге // Своеволие философии: собрание философских эссе. Москва: ЯСК, 2019. С. 11–28. Текст: непосредственный.

5. Курамина Н. В. «Непереводимости» в философских текстах // Вестник РГГУ. Сер. Философия. Социология. Искусствоведение. 2023. № 1. С. 161–168. Текст: непосредственный.

6. Михайлов А. В. Вместо введения // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. Москва: Гнозис, 1993. С. 7–52. Текст: непосредственный.

7. Мишкурин Э. Н., Новикова М. Г. Переводимость — непереводимость: былое и думы...: монография. Москва: Флинта, 2024. 248 с. Текст: непосредственный.

8. Многообразие жанров философского дискурса: монография / Е. Ю. Базаров, И. С. Бельский, А. А. Еникеев [и др.]. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. 276 с. Текст: непосредственный.

9. Остапенко С. В. Аксиологическая и коммуникативная трансформация текста в парадигме цифровой реальности // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2024. № 4. С. 3–11. Текст: непосредственный.

10. Петрова А. Д. Перевод французского реализма в России: Ги де Мопассан и Эмиль Золя // Russian Linguistic Bulletin. 2024. № 1(49). URL: <https://rulb.org/archive/1-49-2024-january/10.18454/RULB.2024.49.35> (дата обращения: 18.01.2025). Текст: электронный.

11. Полубиченко Л. В. Лингвотоксикология сквозь призму художественного перевода // Вестник Череповецкого государственного университета. 2024. № 1(118). С. 123–142. Текст: непосредственный.

12. Хромова Е. Б. О некоторых проблемах перевода при выработке русского философского языка (по страницам книги Н. С. Автономовой «Познание и перевод») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 12–1. С. 207–209. Текст: непосредственный.

Статья поступила в редакцию 12.02.2025; одобрена после рецензирования 04.04.2025; принята к публикации 06.05.2025.

“THE SIMPLICITY OF COMPLEXITY AND THE COMPLEXITY OF SIMPLICITY”:
ON TRANSLATING A PHILOSOPHICAL ESSAY

Alexandra V. Bogomolova

Senior Lecturer,

Irkutsk State University

8 Lenina St., 664025 Irkutsk, Russia

bogomolovaav96@mail.ru

Abstract. The article examines the specific challenges involved in translating artistic-philosophical discourse, using an analysis of the author's own translation of excerpts from Jean d'Ormesson's *Presque rien sur presque tout*. The article finds that one of the greatest difficulties lies in conveying the author's individual worldview, which manifests in his attempt to speak simply about complex matters. It is postulated that the free-form style of philosophical essays fosters a pronounced *I-discourse* (subjective discourse), which poses additional challenges for translators. The article explores the intricacies of rendering the author's wordplay — particularly those based on the grammatical homonym *tout* and the polysemous word *fin*,

whose meaning shifts with grammatical gender — as well as specific cases of everyday vocabulary use. Special attention is given to the importance of distinguishing between the verbs *être* and *exister* when translating into Russian. The study employs methods of direct translation, comparative analysis, and contextual analysis.

Keywords: artistic-philosophical discourse, philosophical essay, I-discourse, author's individual worldview, translation techniques.

Acknowledgments

The work was carried out with the financial support of the Irkutsk State University grant for young scholars No. 091-24-325: “*Genre Realization of I-Discourse as a Reflection of the Characteristics of Linguistic Personality*”.

For citation

Bogomolova A. V. “The Simplicity of Complexity and the Complexity of Simplicity”: On Translating a Philosophical Essay. *Bulletin of Buryat State University. Philology*. 2025; 2: 3–9 (in Russ).

The article was submitted 12.02.2025, approved after reviewing 04.04.2025; accepted for publication 06.05.2025.